

Сергей Беринский
Sergey Berinsky

Miserere

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Рос. муз. газета — 1999 — № 4 — с. 3

возможно без любви к музыке и ее автору. А вокруг сидели столь же искренние слушатели: друзья, ученики, поклонники, за всегдатаи музыкального клуба Сергея Беринского.

Трудно представить себе сегодня иные основы жизни некоммерческого искусства. Память жива любовью

и дружбой. И то, и другое — подвиг.

К годовщине смерти композитора вышел его первый компакт-диск (АО "Грамзапис"). По словам вдовы Сергея, это было бы невозможно без бескорыстной помощи верных друзей.

Черно-белый фотопортрет работы Ильи Кейтельгиссера (сегодня он, хирург по образованию, стал известным фотохудожником) во многом определил подбор и компоновку записанных произведений. Фридрих Липс, для которого написаны многие баянные

сочинения Беринского, подарил для диска свои записи. В их числе — поэма для скрипки и баяна "Морской пейзаж" (1996), которую Липс сыграл с дочерью композитора Юлией. Новую запись "Колоколов Варшавы" (фортепианной сонаты-фантазии) сделал Василий Лобанов. Композитор Цзо Чжэньгуань выступил дизайнером и наборщиком текста аннотации, которую написала Тамара Левая, а перевел на английский Владимир Нестьев... Впрочем, соборное создание этого диска — лишь предистория его реальной жизни, которая, верится, будет счастливой. Слушайте!

"Лучший памятник Сергею — звучание его музыки. Я стараюсь делать для этого все, что в моих силах. Это моя главная работа и забота". Элла Беринская считает подарком судьбы премьеру Четвертой симфонии, которая 27 марта состоялась в Нижнем Новгороде.

Одночастная симфония для трио (скрипка, виолончель, фортепиано) и симфонического оркестра датирована 1996 годом. Посвящена она "памяти ушедших

друзей". Столь же пронзительно звучит сегодня и эпиграф из Сведенборга: "Когда дыхательное движение легких и систологическое движение сердца прекращаются, человек на самом деле не умирает, а только отрешается от тела, служившего ему на земле".

— Импульсом к созданию этого сочинения стало предложение нашего соседа Александра Зиновьева Бондурянского, руководителя знаменитого "Московского трио", — вспоминает Э. Беринская. — Сергей вдохновился идеей тройного концерта. Но потом всегда говорил, что написал именно симфонию с солирующим трио. Она должна была прозвучать в программе открытия прошлой "Московской осени". Но не получилось... Параллельно Бондурянский предложил ее филармонии Нижнего Новгорода. Дирижер Александр Скульский познакомился с партитурой и поставил симфонию в мартовский абонемент.

Нижегородский оркестр играл музыку Сергея впервые (хотя камерные его сочинения в Нижнем звучали). Войти в новый звукомир всегда сложно. Скульский ув-

лек музыкантов и победил. Дирижировал он просто потрясающе!

Зал был полон. Конечно, публика здесь особая, воспитанная на премьерах современной музыки. В этот раз в программе стояли рядом сочинения Б. Мартину и С. Беринского, а во втором отделении — тройной концерт Бетховена. Но я рассказываю только о симфонии. А в Нижнем о ней рассказывала слушателям профессор Т. Левая (в последнее время она делает это очень редко, но здесь был особый случай). Слушали симфонию замечательно. Зал словно слился в единое ухо и сердце. Это был настоящий, большой, общий успех. Какое счастье, что жизнь симфонии дал именно Скульский и случилось это именно в Нижнем Новгороде! В экстремальных условиях "гонки", сопутствующей разучиванию новых сочинений для программы "Московской осени", музыку слишком часто убивают элементарной небрежностью... Я благодарна всем нижегородцам — дирижеру, музыкантам, слушателям. Надеюсь, что и москвичи услышат симфонию. Если, конечно, в программах грядущей "Осени" будет симфонический концерт...

Что ж, доживем — услышим. Но музыка, которой дали такую жизнь, уже живет. Хотя бы в памяти.

С. РУМЯНЦЕВ.